Я.С. Яскевич

ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Для студентов учреждений высшего образования

Ядвига Яскевич

Переговорный процесс в социально-экономической деятельности

«Вышэйшая школа»

2014

УДК 005.574:005.32(075.8)
ББК 65.290=2я73

Яскевич Я. С.

Переговорный процесс в социально-экономической деятельности / Я. С. Яскевич — «Вышэйшая школа», 2014

ISBN 978-985-06-2476-5

<p id="_GoBack">Рассматриваются типология, принципы, альтернативные модели ведения переговоров. Раскрывается взаимосвязь переговоров и политического риска в контексте глобализации. Дается содержание основных этапов переговорного процесса, а также материал о стратегиях и тактиках их проведения. Особое внимание уделяется западной и восточной моделям ведения переговоров, логике и культуре диалога.Приложения включают образцы документов по ведению деловых переговоров, задания и тренинги. В конце пособия имеется словарь терминов.Для студентов учреждений высшего образования.

УДК 005.574:005.32(075.8)
ББК 65.290=2я73

ISBN 978-985-06-2476-5

© Яскевич Я. С., 2014
© Вышэйшая школа, 2014

Содержание

Введение 6
Глава 1. Переговоры как императив современного мироустройства 7
1.1. Переговорный процесс в контексте глобализации и единого информационного пространства 7
1.2. Динамика переговорной стратегии: от силы давления, конфронтации и конфликтов к идеалам ненасилия и ценностным приоритетам 16
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Ядвига Яскевич
Переговорный процесс в социально-экономической деятельности

© Яскевич Я. С., 2014
© Оформление. УП «Издательство „Вышэйшая школа“», 2014

Введение

Переговоры – сложный процесс, участники которого вступают в различные взаимоотношения, используя при этом самые разные приемы влияния друг на друга.
П. Форсайт

Переговоры – это путь к взаимовыгодным решениям и согласование последовательностей общих будущих действий.
Ф. Бегьюли

В деловом мире большое внимание уделяется переговорному процессу. Из-за сложности решаемых глобальных проблем современности необходимо знать, как, когда и при каких условиях их вести. Если на уровне разрешения межличностных отношений люди порою ведут переговоры на основе использования жизненного опыта, обыденного знания и интуиции, то организация их в бизнесе, политике и международных отношениях требует особых знаний, умений, навыков, стратегий и методов. Здесь необходимо искусство убеждать, искусство компромиссов, балансирования и риска, игры и расчета, единства содержания и формы. Переговоры в современную эпоху радикальной социальной динамики, поиска механизмов преодоления последствий мирового экономического кризиса, формирования единой мировой истории и глобализации являются уникальным, всеобъемлющим и универсальным средством коммуникации.

Учебное пособие содержит целостный и взаимосвязанный материал по переговорному процессу в социально-экономической деятельности и состоит из десяти глав, в которых переговоры рассматриваются как императив современного мироустройства, раскрывается взаимосвязь переговорного процесса и политического риска. Особое внимание уделяется типологии, принципам и альтернативным моделям ведения переговоров, раскрытию содержания основных этапов переговорного процесса, стратегии и тактики. Отдельные главы посвящены рассмотрению переговоров в пространстве кросскультурного взаимодействия и геополитики, западной и восточной модели ведения переговоров, принятию решений в условиях тотализации политики и власти. В контексте коммуникативной парадигмы переговоров автор анализирует логику и культуру диалога, общие требования ведения дискуссий, споров и дебатов. В завершающей главе раскрывается роль социально-гуманитарных технологий в управлении переговорами, формировании имиджа их субъектов, государств, компаний.

С учетом сложности и многогранности проблем, охватываемых в учебном пособии, предлагаются приложения, которые включают ряд материалов и документов по ведению деловых переговоров, тесты для проверки знаний и тренинги.

Понимать и правильно употреблять отдельные специфические выражения, а также иностраные слова вам поможет словарь терминов, расположенный в конце книги.

Использование в пособии обширного материала по переговорному процессу, моделирование проблемных ситуаций, при которых задается вектор альтернативных решений по обсуждаемым вопросам, открытый диалог с читателем располагают его к вдумчивому, критическому размышлению, к поиску нестандартных подходов, к самостоятельности и толерантности суждений. При таком подходе читатель всегда имеет свободу выбора, приобретает навыки выстраивания схемы ответа, проявляет способность альтернативного мышления.

Знакомство с фундаментальным и репрезентативным материалом, используемым в пособии, позволяет надеяться на то, что оно вызовет интерес у всех тех, кто интересуется актуальными проблемами современного переговорного процесса в экономике, политике, бизнесе.

Глава 1. Переговоры как императив современного мироустройства

1.1. Переговорный процесс в контексте глобализации и единого информационного пространства

Современная цивилизация находится на критическом этапе своего развития. Перед лицом проблем выживаемости человека, экологического и антропологического кризисов, формирования единой мировой истории и глобального коммуникационного пространства, взаимозависимости отдельных стран и народов возникает тема обоснования новых стратегий развития переговорного процесса, поиска идеалов, а также открытости, толерантности и согласия. Переговоры являются *уникальным, всеобъемлющим и универсальным коммуникационным средством* по совместному принятию определенных решений, урегулированию конфликтов и налаживанию экономического, политического и культурного взаимодействия различных партнеров в зависимости от специфики контекста – от межличностных до коммерческих и международных переговоров.

Люди постоянно участвуют в различных переговорах – идет ли речь о политике, рыночных отношениях, разрешении конфликтов, имеющих международное значение, или о конфликте интересов в семейных отношениях. Любые переговоры предназначены для поиска взаимоприемлемых решений, рационального согласия и улучшения взаимоотношений. «Переговоры, – отмечают М. Спэнгл и М. Айзенхарт, – это один из способов превратить конфликт в решение проблемы или компромисс. Переговоры дают возможность снизить напряжение, которое возникает вследствие отличий в мировоззрениях. Переговоры помогают добиться изменений и преодолеть сопротивление, при этом не прибегая к угрозам, требованиям или принуждению»[1].

В лоне современной парадигмы переговорного процесса осуществляется радикальный поворот, что способствует формированию ее нового глобального типа, связанного с включением в него идеалов гуманизма, плюрализма, диалога и взаимообогащения. Глобализация мировой истории, радикальный процесс демократизации государственной, правовой, политической и духовной систем постсоциалистических стран сопровождается качественными изменениями целей, задач и функций переговоров.

Предназначение переговоров состоит не только в том, чтобы решать политические и экономические проблемы, но и в том, чтобы обосновывать необходимость перемен, определять возможные варианты и векторы изменений, перехода человечества на качественно новый виток развития в социальном, духовном, культурном отношении. В постижении динамики и проблем современного мира, глобализационных процессов, мировоззренческих оснований межкультурной коммуникации, механизмов преодоления мирового экономического кризиса и обоснования путей демократического развития общества глобальный переговорный процесс включает в себя ряд важнейших тем и направлений, тем самым задавая необходимость формирования нового мироустройства.

В XXI в. цена неразрешимых споров в различных областях слишком велика. Потребность в более эффективном, своевременном и гуманистическом урегулировании возникающих противоречий возрастает на фоне небывалых событий мировой цивилизации. Перед человече-

[1] *Спэнгл, М.* Переговоры. Решение проблем в разном контексте / М. Спэнгл, М. Айзенхарт. Харьков, 2009. С. 28.

ством стоят проблемы[2], требующие философского осмысления для их коммуникативного разрешения. Многие из них являются предметом переговорного процесса на различных уровнях.

1. Проблема *выживаемости в ядерный век*. До создания мощного ядерного оружия люди были убеждены, что человечество в целом бессмертно. Можно уничтожить памятники и другие достижения человеческой культуры, но человечество будет существовать. Когда в августе 1945 г. на японские города были сброшены первые атомные бомбы, началась принципиально новая эра мировой истории, ибо обозначилась реальная опасность для дальнейшего существования человечества. С этого момента человечество осознало свою смертность: оно как бы уравнялось в своем статусе с отдельным индивидом – простым смертным, чья земная жизнь ограничена определенными временными рамками. Ядерное оружие наряду с другими глобальными опасностями ставит под угрозу выживаемость человечества. Стало ясно, что все другие проблемы имеют смысл лишь постольку, поскольку остается шанс на разрешение основной из них – проблемы выживания, целостности человечества.

2. Проблема *экологической выживаемости человечества* , ибо начиная с эпохи Просвещения быстро развивающаяся техногенная цивилизация поставила человечество на грань жизни и смерти. С возникновением мощного технологического давления на биосферу искусственная среда требует все больше веществ природы для своего воспроизводства.

3. Проблема *сохранения целостности личности*. В цивилизации изменились такие традиционные структуры, как трансляция вечных ценностей от отцов и дедов (ценность труда, живой контроль общества за нравственным поведением человека и т. д.). Постоянные погружения человека в разные социальные отношения, где от него требуется выполнение соответствующих ролей, приводят к постоянным стрессам, к утере целостности личности.

4. Проблема *коммуникативного единства человечества*, необходимости формирования идеалов открытости, диалога между различными народами и религиями, несилового решения возникающих конфликтов.

5. Проблема *ценностного поворота* человечества к необходимости построения *новой модели современного мироустройства*, т. е. фундаментальное обновление нравственных ориентиров и духовных ценностей, ибо ориентация на приоритеты материального богатства и выгоды сегодня не решает все проблемы современного общества, а постиндустриальное общество не в состоянии обеспечить этический подход в различных областях жизнедеятельности человека. Следует признать, что массовая культура в силу выполняемых ею функций приводит к ценностному релятивизму, нивелированию, маркетизации, прагматизации системы ценностей, экспансии потребительских установок.

6. Предметом особого внимания при ведении переговоров является *феномен глобализации*, т. е. воздействие глобализации на национальную культуру, экономику, политику и выявление зависимости национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций, оптимального характера рыночного регулирования, механизмов формирования экономически единого мира, инвестиционных и товарных потоков. Возникает ряд парадоксов, требующих глубокого анализа: повышает или нивелирует глобализация самобытность, специфику, неповторимость каждой из объединяющих ее «единиц», национальных государств, сообществ; каковы механизмы сдерживания откровенного эгоизма развитых стран во имя разрешения собственных стратегических проблем, ибо свобода действий сильных мира сего, ориентация на коммерческий успех и выгодность любой ценой разрушает достаточно устойчивую до сих пор систему капитализма; каковы судьба и статус национальных культур в контексте глобализационных процессов; каковы последствия развития и распространения информационных технологий в эпоху глобализации, усиливающих сложившийся разрыв

[2] См. подробнее: *Степин, В.С.* Эпоха перемен и сценарий будущего / В. С. Степин. М., 1996; он же. Теоретическое знание. М., 2000.

между развитыми и развивающимися странами, а также процессы перетекания интеллектуальных ресурсов в наиболее развитые страны и др.

7. Важнейшая тема, которую абсолютно невозможно обойти в международных и во внешнеэкономических переговорах – это *проблема взаимоотношения глобального и национального, сохранения национальных приоритетов*. Некоторые исследователи утверждают, что современная глобализация унифицирует национальные интересы и приводит к постнациональному обществу, к наднациональной всеобщей политической культуре, к солидарности граждан, не прибегая к духовной укорененности в конкретной нации, ее истории и самобытности. Однако несомненно и то, что участники переговоров дают реальную оценку и альтернативным моделям объяснения развития Европы и статуса конкретных государств, которые рассматривают нацию и национальное государство как свои основные ориентиры. Возникает вопрос, требующий пристального изучения – насколько актуальны традиционные формы институциональной организации общемирового общежития в лице взаимодействия национальных государств, каковы механизмы национальной самоидентификации.

8. Вступив в XXI век, человечество столкнулось с новыми опасными вызовами, противостоять которым можно только благодаря переговорному процессу, *глубинному межкультурному, межконфессиональному и межнациональному диалогу* различных народов мира, их взаимопониманию, уважению, ценностному плюрализму и толерантности по отношению друг к другу и к национально-культурной самобытности и самодостаточности отдельных стран и народов. В связи с этим особое внимание партнеры по переговорам должны уделять исследованию *коммуникации в современном обществе на этническом, межнациональном и цивилизационно-глобальном уровнях, статусу и роли национальной культуры, духовным ценностям* с целью сохранения культурно-цивилизационной идентичности в глобализирующемся мире, исторического самоопределения и выбора путей дальнейшего развития.

9. В условиях радикального изменения современного мироустройства партнерам по переговорам важно знать *механизмы трансформации как общеевропейской, так и мировой демократии* с учетом национально-государственной специфики и приоритетов, оценить меру общего кризиса современной демократии, уточнить содержательное наполнение понятия «суверенная демократия», выявить причины растущего критицизма и недоверия населения разных стран мира к западным либеральным ценностям, так как наблюдающиеся в XXI в. явления насильственной, «учреждаемой» через военное вмешательство демократии противоречат самой ее сути.

В силу сложности решаемых сегодня проблем необходимо особое знание того, *как, когда, при каких условиях* вести переговоры.

Современная концепция международного переговорного процесса, в том числе и в бизнесе, должна учитывать тот факт, что глобальные трансформации, характерные для современной экономики, политики, социокультурного пространства, увеличивают степень социально-политического риска, повышают вероятность непредвиденных событий, инициируют рост геополитического риска с такими его угрожающими компонентами и последствиями, как риск завоевания государства, риск распада государства под воздействием внешних сил или по крайней мере как риск снижения суверенитета государства, его способности отстаивать свои интересы на международной арене, запуская механизмы внутреннего риска (как это случилось в период арабского кризиса и арабских революций 2011 г.).

Глобализация как естественноисторический процесс и вместе с тем интегративная концепция отражает тенденции развития в экономической, политической, информационной, культурной сферах на современном этапе мировой истории. Многие исследователи феномена глобализации определяют ее как процесс, обусловленный «свободным движением капиталов и возрастающей зависимостью национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций», как «процесс, в ходе которого стираются географические

границы социальных и культурных систем». При этом отмечается, что «современный мир управляется глобальными институтами» (пусть даже это и не дает основания говорить о «мировом правительстве»), что в эпоху глобализации основными оказываются «транснациональные подходы к организации глобальной системы, в основе которой лежат глобальные тенденции и институты».

Раскрывая исторические истоки глобализации и ориентируясь на опыт взаимодействия между различными цивилизациями, В. Л. Иноземцев заключает, что глобализация – это не процесс становления единой цивилизации, разделяющей пресловутые «общечеловеческие» ценности, а процесс экспансии «западной» модели общества и приспособления мира к ее потребностям. То, что сегодня называют глобализацией, более точно может быть определено как вестернизация – явление универсальное по своему временному характеру и географическому охвату и представляющее собой модель технологического общества, управляемого из единого центра на основе единых принципов – от массового потребления до либеральной демократии с четким различием между «ведущим» и «ведомым», центром и периферией.

Возникновение глобализации как явления можно отнести к середине XV в., когда начались процессы освоения географического пространства, европеизации, формирования капиталистических отношений. Оно еще не обозначало торжество свободного рынка и общечеловеческих ценностей, но закладывало основы того мирового порядка, который мы наблюдаем сейчас. Именно эта «глобализация» с неизбежностью приводила к включению многих новых территорий в зону европейского влияния. Она резко активизировала международную торговлю и создала условия для распространения по всему миру единых принципов социального общежития.

Европа, возглавившая эту волну глобализации и сохранявшая лидерство в данном процессе вплоть до начала Второй мировой войны, идеально соответствовала своей роли. Предпринимая первые колонизаторские усилия, европейцы еще не занимали доминирующих позиций в мире по экономическим показателям. Даже спустя два с половиной столетия после обретения первых колоний в Америке все европейские страны вместе взятые обеспечивали не более 23 % мировой промышленной продукции, в то время как на долю Индии приходилось 24,5 %, а на долю Китая – почти 33 %. Через 150 лет доля Европы составляла уже 62 %, а доли Индии и Китая – 1,7 и 6,2 % соответственно. Европейцы сумели достичь мирового господства, поскольку, во-первых, обладали самыми передовыми на тот момент саморегулирующимися социальными институтами и, во-вторых, воспринимали территории, над которыми устанавливали контроль, как составную часть своих империй. Период распространения европейского господства был поистине эпохой становления «европейского мира», временем, когда «Европа рассеяла по всем континентам свои капиталы, свою технику, свои языки и своих жителей».

Масштабы той «глобализации» поражают воображение даже сегодня. Освоение колоний привело к лавинообразному росту международных торговых и финансовых трансакций. К началу XX в. на долю европейских стран (не считая России) приходилось почти 80 % мирового товарного экспорта, а отношение его к ВВП составляло в Германии 12,2 %, в Нидерландах – 14,5, в Великобритании – 14,7 %. Европа оставалась единственным в мире нетто-инвестором: в 1905–1909 гг. до 22 % французских и до 42 % британских внутренних накоплений инвестировались за рубежом. К 1911 г. объем экспорта капитала составил 8,7 % ВВП Великобритании. На Соединенное Королевство приходилось 43 % общемирового объема прямых иностранных инвестиций.

К началу Первой мировой войны европейцы достигли полного контроля над миром, несопоставимого с тем, которым сегодня обладают Соединенные Штаты Америки. Если не принимать в расчет спекулятивные финансовые операции, следует признать, что в первые годы XX в. масштабы международных торговых и инвестиционных, а также миграционных потоков были несравненно большими, чем в наши дни. Под политическим контролем европей-

ских стран находились 84 % всей территории Земли. Британские, французские и германские военно-морские соединения доминировали на просторах мирового океана.

Не идеализируя времена европейского колониального владычества, В. Л. Иноземцев подчеркивает черты, отличающие глобализацию XIX – начала XX вв. от глобализации нынешней.

К ним относятся:

• четкая направленность глобализации – европейцы выступали движущей силой этого процесса, его субъектом, периферийные народы – объектом. Потоки технологий, товаров, финансовых ресурсов и людей двигались из Европы в направлении мировой периферии, а не наоборот. Глобализация фактически была процессом распространения западных технологий, хозяйственных и политических форм на остальной мир (вестернизация);

• глобализация не являлась «естественным» и «самоподдерживающимся» процессом. На протяжении десятков лет европейцы прилагали гигантские усилия по переустройству периферии, освоению отдаленных регионов мира и включению их во всемирную систему культурного обмена, торговли и коммуникаций;

• способствовала поддержанию жесткого контроля над мировой периферией. Европейцы не только пресекали вооруженные столкновения населявших ее народов и полностью элиминировали потенциальные угрозы, которые она могла представлять для Запада, но и устанавливали культурное взаимодействие с ними;

• тонкое политическое лавирование и образование союзов с периферийными народами (это иллюстрирует, в частности, история британского владычества в Индии) несмотря на подавляющее превосходство европейцев в вооружениях и военной технике.

Вторая мировая война радикально изменила экономическую и политическую ситуацию в мире. Европейским экономикам был нанесен серьезный удар: по уровню ВВП крупнейшие континентальные страны оказались отброшенными к показателям конца XIX – начала XX вв. (Италия – к уровню 1909 г., Германия – 1908, Франция – 1891, Австрия – 1886 г.). На этом фоне единственным лидером оказались Соединенные Штаты: их доля в мировом валовом продукте превысила 45 %. К 1948 г. на их долю приходилось 22 % суммарного оборота международной торговли, а реализация планов послевоенного восстановления экономик Европы и Японии сделала Америку крупнейшим международным инвестором. Вполне естественным стало и превращение доллара в основное средство международных расчетов и главную мировую резервную валюту.

Основной бедой современной глобализации стало то, что ее лидером оказалась страна, привыкшая использовать мир в своих целях и потому неспособная придать ему необходимый импульс для обеспечения поступательной динамики. Именно США немало способствовали ослаблению европейского доминирования над миром, сформировав собственную модель хаотичной глобализации.

С середины 90-х гг. XX в. вполне отчетливо обозначилась тенденция к замыканию постиндустриального мира, о чем свидетельствует статистика мировой экономики. На индустриально развитые страны Запада сегодня приходится 76 % прямых иностранных инвестиций, 73 % объемов международной торговли, 88 % всех регистрируемых в мире патентов; свыше 90 % пользователей глобальной сети интернет. Углубляющиеся разрывы в технологическом и социально-экономическом развитии стран и народов приводят к формированию своего рода «клуба избранных», возведения новых, все более изощренных экономических барьеров. Вот почему в современном переговорном процессе важно ориентироваться на иные нравственные ценности при решении вопросов о взаимоотношении глобального и национального, проблем неравенства, голода в отдельных странах мира и т. д.

Современный переговорный процесс, мировая политическая, культурная, экономическая системы основываются на *знаниях* и *информационных технологиях*, которые превращаются в важнейший ресурс хозяйственной деятельности, затрагивая всю систему общественных

отношений. Эти принципиальные изменения существенным образом модифицируют основы национального могущества, характер геополитической конкуренции и роль государства в регулировании общественных отношений. Сегодня новая информационная парадигма международных переговоров означает, что их эффективность во многом зависит от информационного превосходства в виртуальном пространстве, информационных технологий и социокультурных приоритетов, информационной кампании, предшествующей и сопровождающей их [3].

С помощью информационных технологий осуществляется интеграция национальных и региональных финансовых рынков в единый мировой рынок финансов, где господствующим товаром становится информация со сверхкоротким жизненным циклом. Геополитическую конкуренцию XXI в. начинают определять метатехнологии, основанные на информационно-коммуникационных системах.

Информатизация бизнеса и финансов с их перемещением в формирующееся виртуальное пространство ломает традиционные институты национальных суверенитетов, обеспечивая всевозрастающее экономическое и культурное вторжение третьей волны цивилизационного развития. В последнее время усложняются отношения между силами индустриализма и «новой экономики», своеобразная смесь из которых определяет неповторимость обликов наиболее развитых стран. Однако общее направление процесса уже достаточно ясно: глобальная гонка будет выиграна теми странами, которые закончат свой переход к информационной цивилизации в кратчайший срок, с минимальными усилиями и без разрушительных внутренних социальных потрясений.

Распространение информационных технологий резко изменяет относительную ценность ресурсов, выводя на первый план интеллект и финансы как наиболее мобильные в условиях современной экономики, для которой возрастающее значение играют время и скорость бизнес-процессов. Важнейшим практическим следствием этой тенденции становится относительное обесценение традиционных технологий и продуктов их применения по мере распространения технологий, воплощающих новые принципы, ценные знания и обработанные информационные ресурсы. В русле этой тенденции США и технологически развитые страны проводят в последнее время политику «сбрасывания» за пределы страны не только экологически, но и «интеллектуально грязных» и примитивных производств с низким объемом наукоемкой продукции и прибыльности.

Основными последствиями развития и распространения информационных технологий являются:

• углубление сложившегося разрыва между развитыми и развивающимися странами, а также появление нового разрыва между постиндустриальными странами и странами с традиционными индустриальными экономиками;

• выделение во всех странах мира групп людей, связанных с информационными технологиями, и их обособление в автономное «информационное сообщество»;

• перетекание интеллектуальных ресурсов в наиболее развитые страны с постепенной концентрацией информационно-коммуникационного потенциала в корпорациях и государствах постиндустриального типа;

• замедление и (или) прекращение научно-технического прогресса в отстающих с проведением информатизации обществах, нарастание в них финансовых трудностей и социальной деградации.

Серьезного внимания заслуживает появление социально-ориентированных информационных технологий. Эта особая разновидность высоких технологий (high tech) получила по аналогии название «high hume». Разработка и распространение таких технологий сопряжены с

---

[3] *Василенко, И.А.* Международные переговоры в бизнесе и политике: стратегия, тактика, технологии / И. А. Василенко. М., 2011. С. 16.

большими соблазнами и опасностями. Эффективность воздействия информационных технологий на сознание порождает соблазн решения реальных проблем не путем корректировки действительности, а методами изменения индивидуальных и массовых представлений о сложившейся ситуации. В результате злоупотребления методами виртуализации реальной жизни ослабевает политическое и духовное единство общества, выхолащивается суть демократических процедур, размывается реальная база прогрессивных социально-экономических преобразований.

Виртуализация современной жизни ставит новые проблемы перед переговорным процессом. Это касается как международных переговоров, так и переговоров в особо тяжелых ситуациях, когда теряется грань между реальным и виртуальным, когда приходится вести переговоры со «смертниками», взрывающими себя, с лицами, прибегающими к угрозам и т. д. В соответствии с этим в современной культуре актуализируется проблема виртуальной реальности как социокультурного феномена информационного общества, которое оказывает существенное влияние на переговорный процесс. *Виртуальная реальность* рассматривается как: а) концептуализация революционного уровня развития техники и технологии, позволяющая открывать и создавать новые измерения культуры и общества, одновременно порождая новые острые проблемы, требующие критического осмысления; б) развитие идеи множественности миров (возможных миров) и относительности «реального» мира.

Для работы с понятием виртуальной реальности необходимы отказ от моноонтического мышления (постулирующего существование только одной реальности) и введение полионтической парадигмы (признание множественности миров и промежуточных реальностей), которая позволит строить теории развивающихся и уникальных объектов, не сводя их к линейному детерминизму. При этом «первичная» виртуальная реальность способна порождать виртуальную реальность следующего уровня, становясь по отношению к ней «константной реальностью» – и так «до бесконечности»: ограничения на количество уровней иерархии реальностей теоретически быть не может. Предел в этом случае может быть обусловлен лишь ограниченностью психофизиологической природы человека как «точки схождения всех бытийных горизонтов» (С. С. Хоружий).

Социальный теоретик М. Постер, сопоставляя феномен виртуальной реальности с эффектом «реального времени» в сфере современных телекоммуникаций (игры, телеконференции и т. д.), отмечает, что происходит проблематизация реальности, ставятся под сомнение обоснованность, эксклюзивность и конвенциональная очевидность «обычного» времени, пространства и идентичности. Постер фиксирует конституирование симуляционной культуры с присущей для нее множественностью реальностей. Информационные супермагистрали и виртуальная реальность еще не стали общекультурными практиками, но обладают гигантским потенциалом для порождения иных культурных идентичностей и моделей субъективности – вплоть до сотворения постмодерного субъекта. В отличие от автономного и рационального субъекта модерна этот субъект нестабилен, популятивен и диффузен. Он порождается и существует только в интерактивной среде.

Термин «виртуальный» используют как в компьютерных технологиях (виртуальная память), так и в других сферах: в квантовой физике (виртуальные частицы), в теории управления (виртуальный офис, виртуальный менеджмент), в психологии (виртуальные способности, виртуальные состояния), в переговорной деятельности, когда оценивается успех переговорного процесса в зависимости от информационного превосходства оппонентов в виртуальном пространстве информационных технологий и кампаний, сопровождающих переговоры и т. д.

Использование компьютеров и информационных технологий может быть как благом, так и злом для общества, что необходимо иметь в виду при организации международных, межличностных и бизнес-переговоров. Информационные технологии, по сути, представляют собой не традиционные средства взаимодействия с материальным миром, а комплексы по преобразова-

нию живого человеческого сознания. Указанный феномен определяет основания и специфику генерирования опасностей информационно-технологической природы.

К ним относят:

• манипулирование мировыми финансами и дестабилизация фондового рынка, что чревато опасным снижением качества инвестиций и возникновением неприемлемого риска для всей глобальной валютно-финансовой системы;

• возможность переноса психологии конфликта в информационное пространство и угрозу развязывания разрушительной компьютерной войны с перспективой развала систем управления и технологической деградации информатизированных сфер;

• массовое культивирование среди отдельных групп населения (на основе учета их социальных и национальных особенностей) определенного образа жизни и стиля социального поведения, направленное на развитие «дурных склонностей» (употребление наркотиков) с перспективой превращения таких информационных технологий в суперсовременную разновидность этнического и классового оружия.

Формируется *общее коммуникационное пространство*, пронизывающее все культуры, с общепринятыми правилами, нормами и стереотипами. Становление глобального коммуникационного пространства несомненно меняет характер диалога между отдельными локальными культурами. Глобальное коммуникационное пространство само создает правила и способы диалога между культурами как необходимые средства и условия межкультурного общения. Классическая эпоха локальных культур с ее завершенностью, стационарностью, наличием соответствующих культурных оппозиций (свой – чужой), пространственной отдаленностью друг от друга, своего рода «иммунитетом» к другой культуре, не допускающим чуждых элементов и влияний, относительно замкнутой семиотической (языковой) системой, жесткой рационально-теоретической парадигмой, с высоким статусом и верой в науку, как подчеркивает В. В. Миронов, трансформируется в современной ситуации в *Глобальное Коммуникационное Пространство.*

Классическая культура выступала как система локальных культур и до определенного периода при всей неизбежности и необходимости развития выглядела преимущественно как статичная, стационарная, «застывшая» система, так как фундаментально-структурные изменения в ней происходили очень медленно и для многих поколений она оставалась одинаковой, сохраняя принципы стабильности как символ культуры как таковой. Лицо классической культуры определяли во многом консервативность и элитарность. «Аристократический принцип» отбора основывался на достаточно длительной адаптации ценностей, претендующих на статус общечеловеческих, к господствующим культурным компонентам. Структурное распадение культуры на два больших пласта (верхний и нижний), дополняющих друг друга, а также возможность отдельных индивидов располагаться на разных культурных уровнях определяли культурное разнообразие системы в целом. Это обеспечивало разнообразие живого организма культуры, образуя механизмы для разрешения противоречий различных культурных уровней, безболезненность адаптаций новых компонентов и одновременно модификации всей системы культуры. Современное коммуникационное пространство создает иные правила и способы общения, обеспечивая динамичное развитие культуры, теряющей стационарность и завершенность, разрывая границы между культурами и создавая предпосылки иного типа культурного единства. В общемировом общении начинают, например, господствовать интегративные языковые тенденции, расширяется «псевдокультурное» поле общения, когда диалог осуществляется по принципу наиболее доступных, совпадающих смысловых структур с общими стереотипами, общими оценками, общими параметрами требуемого поведения. Общее коммуникативное поле значительно расширяет возможности диалога, одновременно упрощая его. При этом разнообразие локальных культур поглощается интегративной суперкультурой. Кроме того, становление глобального коммуникационного пространства приводит к увеличе-

нию скорости разрушения старых ценностей, к сжатию временных рамок этого процесса (иногда этот процесс укладывается в рамки жизни одного человека или того меньше), не позволяя новым символам и знакам адаптироваться к традиционной знаковой системе ценностей. Нарушается также пропорция между высокой и низовой культурами. Низовая культура становится массовой как по количеству вовлеченных в нее субъектов, так и по упрощению потребляемого продукта.

В условиях информатизации обществ и глобализации международной жизни на первое место все заметнее выдвигаются обстоятельства социально-культурного порядка. «Культурный империализм» больше не захватывает территорию, но подчиняет себе сознание, образ мышления, образ жизни (Жак Ланг, 1982). Культурный империализм утверждает, что один набор ценностей заведомо выше и лучше другого, поэтому все более очевидной становится необходимость сохранения национальных традиций и социокультурологических приоритетов.

Интегративные тенденции в культуре, политике, экономике конца XX – начала XXI в. вызывают глубокие качественные изменения в содержании и структуре современного переговорного процесса по сравнению с его предшествующими формами, что требует выявления механизмов геополитических и страновых рисков в различных сферах и состояниях глобальной культуры, ее фундаментальных жизненных смыслов, осуществления междисциплинарного синтеза различных знаний, чтобы затем представить в сжатом виде обновленную матрицу человеческого бытия на изломе, позволяющую прогнозировать возможные риски и управлять ими.

Современное общество риска дает новое понимание переговорного процесса, глобальных проблем экономики, политики, культуры, выходящих за рамки дисциплинарной рациональности и включающих в себя политическое, социальное, гуманитарное, философское измерение и систему ценностей, этическое отношение к политике, глобализации, ибо глобальная власть, соединенная со знаниями, порождает особенную ответственность – ответственность знающего и властвующего, ответственность за исторические перспективы цивилизационного развития человечества.

1.2. Динамика переговорной стратегии: от силы давления, конфронтации и конфликтов к идеалам ненасилия и ценностным приоритетам

В переговорных процессах современное сообщество все больше ориентируется на принципы взаимовыгодного сотрудничества. Такая модель взаимодействия вписывается в общий контекст переживаемых современным человечеством поворотов, связанных с переосмыслением социальных последствий глобального финансово-экономического кризиса, взаимоотношения глобального и локального, статуса и роли национальных государств и культур, проблем социокультурной самоидентификации в современном мире.

Умение вести переговоры на глобально-международном и локально-национальном уровне с целью установления взаимовыгодных отношений и урегулирования конфликтных ситуаций жизненно необходимо в условиях взаимозависимости отдельных стран и народов. Динамично развивающиеся рыночные отношения в эпоху модернизации также формируют своего рода социальный заказ на разработку адекватных методов и приемов ведения переговоров в деловой жизни, в сфере бизнеса, ориентируясь на поиск механизмов преодоления последствий мирового экономического кризиса.

В переговорном процессе следует учитывать тот факт, что глобальный финансово-экономический кризис, который аккумулировал в себе масштабный политический кризис на уровнях мега-, макро- и микрориска, во многом является *кризисом системы духовных ценностей, пренебрежения ими в угоду материальных ценностей и модели процветания*, о чем писали начиная с 80-х гг. XX в. *Д. Белл, Э. Тоффлер, В. Степин, В. Иноземцев* и др. Они подчеркивали, что ориентация на приоритеты материального богатства и выгоды не решает все проблемы западного общества. «Ценностная система капитализма, как замечает Д. Белл, воспроизводит идеи благочестия, но сейчас они стали пустыми, ибо противоречат реальности – гедонистическому образу жизни, насаждаемому самой системой. Технократическое общество не является обществом, облагораживающим человека. Материальные блага дают только мимолетное удовлетворение или порождают примитивное чувство превосходства по отношению к тем, у которых их нет. Однако одной из наиболее глубинных движущих сил человека является стремление освятить социальные институты и системы верований, что сообщает смысл жизни. Постиндустриальное общество не в состоянии обеспечить трансцендентальную этику, кроме тех немногих, кто посвятил себя служению науки»[4]. Если ранее в традиционном обществе, как подчеркивает Э. Тоффлер, существовало несколько относительно постоянных структур, с которыми человек мог идентифицироваться, то сейчас существуют тысячи временных субкультур. «Мощные узы, которые связывали индустриальное общество – узы закона, общих ценностей, централизованного и стандартизированного образования и культурного производства, – сейчас разорваны. Все это объясняет то обстоятельство, что города вдруг «не поддаются контролю», а университетами «невозможно управлять»… Прежние пути интеграции в общество, методы, основанные на единообразии, простоте и постоянстве, более не эффективны… Вот почему нам часто кажется, что наше общество трещит по швам. Так и есть»[5].

Призывы к пересмотру сложившихся в лоне западной цивилизации системы ценностей с установкой на материальные блага, силовое отношение к природе, человеку, обществу, необходимости их адаптации к потребностям и запросам постиндустриального информационного общества не были услышаны. Более того, власть материального над духовным, личностного

---

[4] *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. М., 1999. С. 651.

[5] *Тоффлер, Э.* Шок будущего / Э. Тоффлер. М., 2001. С. 327.

обогащения «влиятельных» мира сего и отдельных государств благодаря средствам массовой информации становилась соответствующим зовущим ориентиром для массового общества. И все же, организуя переговоры, мы не должны отказываться от рационального осмысления происходящего, от веры в разум, в смысл человеческой истории, в человеческую свободу, в возможность преобразования личностного и социального сознания на разумных началах, ибо разум, а значит, мораль, совесть, справедливость являются значимыми для нас до тех пор, пока они определяют нашу личную и социальную позицию и поведение, ибо то, что создано разумом, может быть достойно использовано лишь в том случае, если в этом использовании разум же и участвует. Забвение разума, отказ от рационального осмысления происходящего, утрата веры в гуманистические ценности, как свидетельствуют исторические аналогии от Древней Греции до возникновения нацизма в Германии, становились тревожным симптомом наступления «сумерек кумиров», длительного периода упадка, возврата к иррациональному. Подобно тому как в Греции расцвет просвещения сопровождался прогрессивным переходом греков от мифологического к рациональному мышлению, а период реакции и упадка сопровождался возвратом к иррациональному, так и возникновению нацизма в Германии предшествовали расцвет паранауки, подъем иррационализма и оккультизма. Строгая и неизбежная предопределенность астрологической судьбы в такие моменты исторического бытия казалась более предпочтительной, чем тяжелое бремя ответственности, чем даже свобода с ее нечеткими и ненадежными измерениями. Место рационализма сегодня порой занимает иррационализм даже при принятии решений на глобальном уровне. Научный рациональный подход, научная рациональность, идеалы и нормы науки рассматриваются совершенно в другом ракурсе по сравнению с далекой классической эпохой становления и развития дисциплинарного знания и более близкими к нам временами 60-х гг. XX в., когда наблюдался особый интерес и к «лирикам», и к «физикам». Сегодня астрология, хиромантия, гороскопы, парапсихология, НЛО, пришельцы часто вызывают гораздо больший интерес. Подобно тому как на смену утопии приходит прагматизм, на смену научной рациональности подчас приходит откровенный околонаучный каламбур. В переговорах такие установки совершенно неприемлемы.

В то же время массовая культура и безудержно развивающаяся рыночная экономика пронизывают порой все концептуальное поле переговоров. При этом в обществе парадоксальным образом реализовали проект Просвещения и его гуманистический лозунг «Все на благо человека, все во имя человека» и программу «всевозрастающего удовлетворения все возрастающих потребностей». *Маркетизация* как принцип ценностной координации массовой культуры приводит к унификации социальных, экономических, межличностных отношений на основе рыночного спроса и рыночной цены, ибо все, что возникает, опредмечивается в массовом обществе, должно пользоваться спросом на рынке. Земная массовая культура лишена трансцендентного (нематериального – потустороннего) измерения. Она конкретна, подчинена реальным целям, потребностям и ценностям комфортной, удобной, обустроенной жизни и жизненного успеха, социального признания личного и семейного счастья. Сама по себе массовая культура ни плоха, ни хороша – она является порождением индустриального общества и урбанистического образа жизни, выполняя при этом разнообразные функции по социализации личности в условиях постиндустриальной цивилизации, стандартизации интересов, потребностей, ценностно-смыслового восприятия реальности, регуляции психического и нравственного сознания. Массовая культура в силу выполняемых ею функций приводит к ценностному релятивизму, нивелированию, маркетизации, прагматизации системы ценностей, экспансии потребительских установок в различных областях, в том числе и в переговорном процессе.

Благодаря массовой культуре (в силу более раннего ее зарождения) и вступления в нее американского общества с его чистой моделью капиталистической экономики и демократии, а также привлекательности продуктов массовой культуры, наступил довольно значительный период трансляции «американизма», пресловутого американского образа жизни, хотя и в

самой Америке наблюдается противостояние ценностей традиционной американской культуры («одноэтажная Америка») и массового общества (с символом «калифорнизации»)[6]. Завышенное материальное потребление, не обусловленное необходимым производством, широко пропагандируемый образ жизни в кредит, не могли не привести к снижению уровня устойчивости американской экономики, снижению доли сбережений населения (в 1998 г. эта доля достигла отрицательного значения)[7] к растущей задолженности и неплатежеспособности населения перед финансовыми институтами.

Вместе с тем сегодня проблема заключается не столько в ликвидности и кризисе долгов, сколько в отсутствии источника экономического роста США, а с ними и всей мировой экономики, так как зависимость, например, Китая от экспорта в Соединенные Штаты остается критической, несмотря на все усилия по развитию внутреннего рынка. В 2001 г. США смогли вывести свою экономику из кризиса за счет использования, во-первых, стратегии экспорта нестабильности, роста военных расходов в самих Штатах и притока капиталов и интеллекта в свою страну, а во-вторых, за счет использования стратегии «накачки» рынка безвозвратными ипотечными кредитами, которая выступала и формой социальной помощи. И первая стратегия, реализовавшая себя сначала в Югославии, затем в Ираке и Пакистане, и вторая стратегия с созданным ею финансовым пузырем и последующей агонией оказались контрпродуктивными для экономического развития США и стали катализатором глобального кризиса и «экспорта хаоса»[8]. Эти тенденции несомненно явились следствием силовой модели переговорного процесса в международных и бизнес-отношениях, которая набирала силу в эпоху техники.

Эпоха техники, проявившись в XVII в., которая приобрела всеохватывающий характер в XVIII в. и получила чрезмерно быструю динамику в XX в., в XXI в. демонстрирует переход к единой мировой истории. Только на определенном этапе развития и взаимодействия локальных цивилизаций возникает феномен всемирной истории и только при осознании вызовов истории начинается весьма сложный и противоречивый процесс становления единой глобальной цивилизации, который во многом задается стратегией переговоров.

Современный этап цивилизационного развития аккумулирует в себе весь исторический опыт, накопленный человечеством, разнообразные пути и формы его общественного развития и позволяет сквозь призму «истории человечества в целом» понять место, направленность и смысл исторических событий, специфику и роль отдельных цивилизаций в мировом историческом процессе, его целостность и взаимозависимость. Вместе с тем «взгляд на человеческую историю ведет нас к тайне нашего человеческого бытия», ибо то, «к чему я принадлежу, во имя чего я живу, все это я узнаю в зеркале истории»[9].

Рассматривая реальность всемирной истории как особую стадию развития человеческого духа и как результат взаимодействия различных культур, К. Ясперс подчеркивал, что подлинная связь между народами духовная, а не родовая, не природная. Именно духовное единство человечества и обусловливает реальность мировой истории.

«Осевая эпоха», ознаменовавшая начало всемирной истории, возникла одновременно в различных местах – в Индии, Китае, Персии, Палестине, Древней Греции. Здесь рождаются мировые религии, философия, пробуждается метафизическая рефлексия и возникают духовные движения. Сегодня человечество с неотвратимостью приблизилось к современной осевой эпохе, когда для его выживания требуются обновленные нравственные ориентиры и духовные ценности, что дает импульс к пересмотру концептуальной модели переговоров.

---

[6] *Тульчинский, Г. Л.* Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения или почему российское общество самое массовое / Г. Л. Тульчинский // Философские науки. 2008. № 10. С. 38–45.

[7] *Николаевский, В.* Цивилизация в зеркале кризиса / В. Николаевский // Беларуская думка. 2009. № 1. С. 80–81.

[8] *Делягин, М.* К равновесию через хаос / М. Делягин // Беларуская думка. 2009. № 1. С. 78.

[9] *Ясперс, К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. М., 1992. С. 53.

Быстро развивающаяся, динамичная и агрессивная техногенная цивилизация с ее устремленностью ко всему новому, нетрадиционному, с ярко выраженным индивидуализмом свободной личности, с деятельностным преобразовательным вектором по отношению к природному и социальному миру оказала мощнейшее влияние на все мировые очаги цивилизации[10]. На фоне глобального кризиса и постоянно заявляющих о себе политических рисков в международных переговорах постоянно возникает *проблема взаимоотношения глобального и национального, сохранения национальных приоритетов.* Некоторые исследователи утверждают, что, подобно тому, как в Новое время становлению и развитию национальных государств способствовал локальный этнизм (национализм), идентификация граждан осуществлялась через национальное сознание и культурную принадлежность к нации, современная глобализация унифицирует национализм и приводит к «постнациональному самопониманию политического целого», «постнациональному обществу» (*Ю. Хабермас*). При этом национализму придается *чисто гражданская форма*, возлагается надежда на некую *вненациональную всеобщую политическую культуру*, которая позволит перестроить солидарность граждан *«на абстрактной основе конституционного патриотизма».* Такая альтернатива «концу политики» реализуется по «мере создания наднациональных дееспособных акторов, подобных Европе», а граждане Евросоюза с целью гражданской солидарности должны, не взирая на национальные границы, научиться признавать друг друга в качестве одной и той же государственно-политической системы[11].

Толерантный сценарий разрешения противоречий глобализации и национализма предлагает и *У. Бек* в своей *концепции «космополитического государства», становлении надгосударственных структур единой Европы, элиминировании национального*, ограничении национальных правительств, создании транснациональных структур и пространств, объединенного суверенитета. Обретение национальными государствами «космополитического характера» является, по словам Бека, «ответом на вызовы глобализации» и противостоянием этническому, религиозному и националистическому фундаментализму[12].

Можно согласиться с теми партнерами по переговорам, которые критично относятся к концепциям «конституционного патриотизма» и «космополитического государства» как сферам благих пожеланий далекого будущего, которое, быть может, никогда не наступит, ибо «в современной действительности существует не субъект права с паспортом в кармане, а человек во всей его целостности, с его мечтами, символами, традициями – тем, что формирует его идентичность»[13].

Авторы альтернативных моделей переговорного процесса рассматривают как нацию, так и национальное государство своими основными ориентирами; что же касается пророчеств относительно глобальной культуры, то по их мнению, невозможно учесть укорененность культур во времени и пространстве, а также зависимость идентичности от памяти. Чтобы мобилизовать энергию европейских граждан, необходимо рассмотреть «общеевропейские традиции» и разработать миф об их происхождении, переписать историю, изобрести ритуалы и символы традиций, которые создадут новую идентичность, «новый национализм», а значит, и новый образ Чужого[14]. «Трансформация в глобальное гражданское общество» не должна быть ответом, по мнению М. Спикера, на вызовы глобализации[15].

---

[10] *Степин, В.С.* Ценностные основы и исторические перспективы техногенной цивилизации / В. С. Степин // Социология. 2000. № 3. С. 45.

[11] *Хабермас, Ю.* Политические работы / Ю. Хабермас. М., 2005. С. 289–293; 319–322.

[12] *Бек, У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / У. Бек. М., 2007. С. 340–342.

[13] *Гранин, Ю.Д.* «Глобальное гражданство» или «глобальная этика» / Ю. Д. Гранин // Философские науки. 2008. № 10. С. 16.

[14] *Смит, Э.* Национализм и модернизм. Критический обзор современной теории наций и национализма / Э. Смит. М.,

При всех очевидных экономических, политических и социокультурных преимуществах глобализации относительно развитых стран для многих других они оборачиваются значительными потерями и разочарованиями. Упования на построение интегрального единого бесконфликтного человечества в рамках однополярного мира после распада мировой системы социализма оказались явно преувеличенными иллюзиями. Становится ясно, что традиционные формы институциональной организации общемирового общежития в виде взаимодействия национальных государств в переговорном процессе столь же актуальны.

Современная модель переговоров должна учитывать, что *тотальный дисбаланс, всеобщая непримиримость, снижение императивного статуса общечеловеческих ценностей означают кризис современной миросистемы* и осознание того, что «мир никогда не будет таким, как прежде» (*И. Валлерстайн*). Всеобщий кризис проявляет свои различные стороны – в экономике, политике, экологии, науке, воспитании. Превратившись на материальном уровне в одно глобальное сообщество, человечество еще не готово к духовному единению и пониманию того факта, что мы не можем причинять вред другим не вредя себе, что каждый отдельный человек в мире, обеспечивая свое существование за счет человечества, должен служить ему и заботиться о благе всего мира, поскольку он зависит от него (*Б. Суллам*).

Категорический императив нравственности, сформулированный И. Кантом, и сегодня звучит весьма актуально, и было бы замечательно, если бы он стал общепризнанным принципом ведения переговоров на различных уровнях. Это безусловный принцип поведения, основной закон этики, которым должны руководствоваться все люди независимо от их происхождения и положения в обществе. Первая формулировка категорического императива напоминает «золотое правило морали», сформулированное еще в древности: «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой». Вторая формулировка категорического императива «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» обращает внимание на всеобщность нравственных требований. Третья формулировка предписывает: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему как к средству». Вряд ли хоть в какой-то степени запрет на использование человека в качестве средства реализовался в современной цивилизации. Человек для Канта – всегда цель. Он обладает нравственной самоценностью. Нельзя низводить человека до уровня предмета, средства для достижения цели, человек – высшая ценность и цель.

Сегодня, к сожалению, не только отдельный человек, но и отдельные государства на переговорах, а затем в реальной политике и жизни выступают в качестве средства для достижения меркантильных целей. Несмотря на ригоризм, учение Канта звучит как предостережение современному человеку – нельзя уступать антинравственности, никогда и ни при каких обстоятельствах. Нельзя быть «этически нейтральным» при разрешении природных и социальных катаклизмов; выход не в отказе от долга, а в соединении его с любовью, совестью, доброжелательностью, ответственностью в поиске гуманистической планетарной этики во имя того, чтобы человечество сохранило себя и высокие нравственные ценности. Нравственность, по *Канту*, не есть нечто, данное природой. Она императивна и предписывает человеку преодоление природного эгоизма во имя идеалов долга, разумное самоограничение его эгоизма, поэтому нравственный закон существует для человека как долженствование, которое и определяет возможность правильного выбора. В этом выборе предпочтение отдается долгу перед чувственными и эгоистическими склонностями. Ядро нравственности выражается в долге: относиться не только к человеку, но и к любому разумному существу бескорыстно и справедливо.

2004. С. 395.

[15] *Спикер, М.* Глобализация и развитие: перспективы христианской социальной доктрины / М. Спикер // Глобализация и столкновение идентичностей. 2003. С. 305.

Этика Канта – этика долга, этика обязанности, помноженной на ответственность, этика самоограничения. Она учит человека тому, как стать достойным счастья. Нравственность и счастье – разные вещи. Стремление к счастью не может быть основой нравственности, так как счастье все понимают по-разному. От всякого другого отношения, – интереса, дружбы, привязанности, – нравственность отличает предпочтение долга чувственным склонностям, преодоление эгоистических побуждений. Такая автономная, самодостаточная мораль содержит свою причину в самой себе и невыводима из чего-либо.

Эгоистично перекроив мир в интересах глобальных корпораций после «холодной войны», наиболее развитые страны лишили большую половину человечества нормального развития, породили всевозрастающую зависимость национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций. Американцы предложили миру собственное видение глобализации и стратегию переговорного процесса, основанные на присущей им трактовке свободы, непоколебимой вере в оптимальный характер рыночного регулирования и гегемонистских установок. Новый подход предполагал, что инкорпорирование периферийных стран в систему международного разделения труда может стать оптимальной стратегией их ускоренного развития. Однако, несмотря на внешнюю логичность, подобный подход имел некоторые изъяны и в скрытом виде содержал в себе все основные пороки современного этапа глобализации. Во-первых, приток капиталов в развивающиеся страны, способный обеспечить их ускоренный рост, неизбежно предполагал выгодное использование западными предпринимателями существовавших между отдельными регионами мира различий и уже поэтому вряд ли мог стать реальным инструментом формирования экономически единого мира. Во-вторых, активизирующиеся инвестиционные и товарные потоки выступали теперь следствием действий частных компаний и не могли эффективно регулироваться, что заведомо делало весьма вероятными столь заявившие о себе сегодня финансовые кризисы. И наконец, не имея возможности политически воздействовать на периферийные страны на регулярной основе, американцы перешли к тактике избирательного и точечного вмешательства. Постепенно это вмешательство идентифицировалось с изощренной защитой интересов американских корпораций и становилось еще одним поводом для доказательства грабительского характера «новой глобализации». Главными недостатками современного этапа глобализации, с точки зрения В. Л. Иноземцева, являются, во-первых, очевидное отсутствие хозяйственной самодостаточности ее главного актора – США и, во-вторых, объективная неспособность большинства находящихся на противоположном полюсе развивающихся стран адекватно реагировать на современные вызовы[16]. Особое беспокойство вызывает у ученого то обстоятельство, что Америка не только упорно избегает любой ответственности за происходящее, но даже категорически отказывается признать основания существования таковой. Американцы не видят ничего противоестественного в том, что США находятся в центре всех финансовых потоков современного мира. Но при этом они никак не могут смириться с тем, что Америка становится основной мишенью для организаций экстремистского и террористического толка. Они верят в непогрешимость американской политики и дипломатии в тех условиях, когда практически весь мир убежден в том, что она притворна и лукава. Лидеры Соединенных Штатов постоянно обращаются в переговорных процессах к постулату о незыблемости принципа суверенитета, но находят казуистические поводы для его нарушения. Проповедуя универсализм, они тем не менее все чаще в переговорном процессе придерживаются стратегии односторонних действий. Американцы рады притекающим в их страну деньгам, но отгораживаются таможенными барьерами от зарубежных товаров. Они провозглашают приверженность хозяйственной свободе, но не гнушаются произвольно накладывать на десятки стран экономические санкции.

[16] *Иноземцев, В.Л.* Прогресс и социальная поляризация в XXI столетии / В. Л. Иноземцев // Полис. 2008. № 6. С. 48.

Углубляющиеся разрывы в технологическом и социально-экономическом развитии стран и народов приводят к формированию своего рода «клуба избранных» и «зоны гетто». По этой причине протекающие в современном мире процессы, по мнению ряда авторитетных специалистов, было бы вообще корректнее называть не глобализацией, а интернационализацией. Сегодняшние тенденции, безусловно, способствуют преодолению жесткой политико-идеологической разделенности мира, отмечает В. Л. Иноземцев. Но одновременно с этим постиндустриальные страны осуществляют возведение новых, все более изощренных экономических барьеров, которые вписываются в линию международных и бизнес-переговоров.

Мировой экономический кризис показывает необходимость отказа в переговорном процессе от откровенного эгоизма развитых стран во имя разрешения собственных стратегических проблем, пересмотра приоритетов «свободного рынка». Все более ясной становится необходимость обеспечения прозрачности динамики спекулятивных потоков, капиталов глобальных корпораций, создания ответственного, этически ориентированного наблюдательного и регулирующего органа, обеспечения открытости и прозрачности работы Мирового рынка и МВФ, механизмов формирования структуры глобального регулирования (например, «Большой восьмерки» с включением в нее стран, ВВП которых не ниже нынешнего минимального ВВП Канады) с принятием общепризнанных и обязательных для всех ее членов правил игры и принимаемых решений.

В условиях глобального кризиса, несомненно, *в процессе переговоров* важно искать *механизмы установления как общеевропейской, так и мировой демократии*, которая бы выступала не просто символом национальных демократий, а проявлением воли самих граждан, реального диалога различных интересов, идентичностей, глобальной ответственности, идеалов справедливости для всех и стремления к обеспечению блага для собственного этноса. Реалии жизни актуализируют проблему разрешения возникающих коллизий в национальных сообществах «здесь и сейчас» – как сохранить рабочие места в условиях кризиса, защитить интересы самых незащищенных социальных слоев, обеспечить стабильность и устойчивость общества и т. п. Проблемы взаимоотношения глобального и локального, международного и национального, актуализированные на переговорах, погружаются в реальную жизнь, когда особенно важны взаимодействия региональных органов, национальных государств и международных организаций для выработки совместных действий по преодолению кризиса, не ущемляющих ничьи государственные интересы. Программные встречи и переговоры государств группы G-20 должны предложить миру перспективы создания новой глобальной денежно-кредитной системы для минимизации негативных влияний отдельных экономик на мировую экономическую систему при увеличении мобильности капитала. Такие межгосударственные финансовые структуры, как Всемирный банк, Мировой валютный банк, Европейский банк реконструкции и развития и другие, вынуждены будут пересмотреть свои функции, цели, механизмы функционирования.

В условиях мирового кризиса не только на глобальном, но и на локально-национальном уровне возрастает (в том числе на переговорах) роль регулирующего центра, в лице которого выступает государство. «Когда либеризованный рынок исчерпал себя, – отмечает М. Делягин, – США упрямо держались за либеральные догмы, забыв слова величайшего из своих президентов Ф. Д. Рузвельта о том, что капитализм – исключительно устойчивая система, разрушить которую может только свобода действий самих капиталистов»[17]. Поощрение основанной на конкуренции рыночной системы путем ограничения роли государства и расширения господства конкурирующего индивидуума ставится сегодня под вопрос. Роль государственного регулирования и управления экономикой на самом деле при переходе к рынку отнюдь не сни-

[17] *Делягин, М.* К равновесию через хаос. С. 78.

жается, а во многих отношениях даже возрастает, ибо государство должно взять на себя принятие решений, которые необходимы обществу.

Во второй половине XX в. (1950–1960 гг.) для описания радикальных структурных перемен в обществе и на переговорах стало использоваться понятие «*социальная трансформация*» или «*трансформационные процессы в обществе*» (итал. transformare – преобразовывать, превращать), которое позже применяли для обозначения общественно-исторических перемен, осуществлявшихся в 80–90 гг. XX в. в странах Центральной Европы, а затем и бывшего СССР. Учитывая синергетические модели интерпретации общества как сложноорганизованной нелинейной системы с многовариантными сценариями развития в точках бифуркации (социального напряжения), а также социально-экономические процессы как на Западе, так и в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза, связанные с системным кризисом, данные концепции указывают на *ряд стадий социальных трансформаций*. К ним относятся оценка существующего состояния общества как системно-кризисного; объективная характеристика возможных путей выхода из кризисной ситуации; демонтаж отжившей системы, ликвидация ее фрагментов, явно несоответствующих мировому уровню общественного развития и его тенденциям; новое самоопределение общества, выдвижение и обоснование путей его дальнейшего развития. В рамках системной трансформации общества осуществляются, как правило, изменение государственной и политической системы, обновление экономических основ общества, адаптация к требованиям мирового рынка, перемены духовно-культурных ориентиров социального развития[18].

В современной социокультурной ситуации следует говорить о необходимости *общемировой трансформации*, которая несомненно даст импульс развитию новой гуманистической модели переговорного процесса. Это касается и высокоразвитых стран Запада, поскольку технократическое общество с его устремленностью к экономическому росту и наращиванию военного могущества столкнулось с устойчивыми противоречиями между производством и потреблением, богатством и бедностью, материальной и духовной сторонами реальной жизни. Одна из серьезнейших проблем современной цивилизации, на которую обращают внимание некоторые западные аналитики, заключается в том, что сегодня «Восток изменил Запад» (Винфрид Беттчер), что своим упорным выполнением бюрократических установок Запад уже не в силах продемонстрировать свои исторические преимущества и необходим откровенный диалог Запада с Востоком, ибо трудности одного региона весьма опасны для другого. Необходимо найти пути и подходы, которые позволили бы избежать ошибок как Запада, так и Востока. Эндогенный потенциал национальных государств, наследников СССР, должен быть изучен, проанализирован и плодотворно использован для системной общемировой трансформации в новую систему на новых социально-экономических, ценностных и экологических принципах[19].

Для описания социальных перемен в духовной, экономической, политической, переговорной деятельности используется и понятие *постмодернизации*, которой предшествовали *доиндустриальная модернизация*, связанная с переходом к кооперации и разделением функций в процессе труда, мануфактуре; *раннеиндустриальная* модернизация, детерминированная технологическим переходом от ремесленного к фабричному производству; *позднеиндустриальная модернизация* с переходом от фабрично-заводского к поточно-конвейерному производству.

Политическая модернизация, которая в корне меняет современную модель международных и внутристрановых переговоров, основывается на постепенном изменении политической системы, возрастающем участии в политике различных групп населения, формировании новых политических институтов и самое главное в демократизации политической системы

---

[18] *Данилов, А.Н.* Переходное общество: Проблемы системной трансформации / А. Н. Данилов. Минск, 1997.

[19] *Беттчер, В.* Восток изменил Запад / В. Беттчер // Социология. 1997. № 1. С. 11.

общества и политического сознания при сохранении политической стабильности. Здесь важны роль политической и интеллектуальной элиты, ее целенаправленное действие. В соответствии с *либеральным сценарием*, акцентирующим внимание населения на власти, возможны такие *варианты политической модернизации*, как демократизация общества; установление авторитарных режимов и торможение модернизации при росте конкуренции элит, но низкой активности населения; замедление модернизации при доминировании политического участия над соревнованием элит; провоцирование диктатуры при одновременной минимизации соревнования элит и уровня политического участия (Г. Алмонд, Р. Даль, Л. Пай).

Не отрицая демократических преобразований и ценностей, представители *консервативного направления* основной акцент в модернизации делают на политическую стабильность, прочность и организованность политических институтов, обеспечение ими политического порядка с помощью централизованной власти. По мнению С. Хантингтона, *авторитарный режим*, если он обеспечивает порядок, экономический рост, решение социальных проблем, национальное единство, переход к рыночным отношениям, вполне уместен. Под руководством авторитарной власти создаются такие условия для модернизации, как компетентность политических лидеров, обоснование качественно различных продолжительных этапов и конкретных приоритетов в процессе реформ, четкий выбор времени их применения. Сначала, как считает Хангтинтон, необходимо укрепить политическую стабильность, поскольку любые попытки реформирования системы политической власти в странах, где индустриальный скачок не накладывается на почву демократических традиций, будут иметь негативные последствия. Достижения же в реформировании экономических и социальных отношений обеспечат переход к демократии.

При всех альтернативах понимания механизмов политической модернизации – с акцентом на последовательную либерализацию политической системы или с ориентацией на резкую «шоковую» либерализацию, распад прежней политической системы и внедрение новых демократических институтов любой ценой («конкретная модель») – становится ясно, что важной задачей модернизации является *формирование политической* и *дипломатической элиты*, опирающейся на поддержку общества, способной обосновывать и проводить через переговорный процесс реформы, выстраивать инструментальные стратегии, обеспечивать экономический рост и демократические преобразования, своевременное разрешение возникающих социальных напряженностей и конфликтов как на международном, так и на локальном уровне. Переговоры как универсальное коммуникативное средство по совместному принятию определенных решений, несомненно, способствуют урегулированию конфликтов.

В историческом развитии общества конфликты часто являются следствием проявления социального насилия. Социальное насилие олицетворяет проявление *агрессивности, деструктивности* в обществе, означает применение или угрозу применения силы в прямой или косвенной форме с целью принуждения людей к определенному поведению, т. е. *господство одной воли над другой*, иногда угрожающее человеческой жизни и статусу отдельных государств.

Динамика социальных отношений демонстрирует, к сожалению, постоянный рост потенциала насилия. Уже в традиционных обществах насилие выступало в форме непосредственной реакции на «чужого» – вплоть до его уничтожения. В *индустриальном обществе* на передний план выступают *скрытые формы насилия*, где его инструментом становятся *интеллект, информация, высокоорганизованные технологии* и т. д. В новоевропейской традиции силовой подход сначала распространяется на природу (природа рассматривается как мастерская для силового манипулирования и подчинения человеку), а затем *переносится на общество*, в результате чего насильственная социальная революция рассматривается как способ переустройства общества, фактор социального прогресса и путь утверждения общества без насилия. Масштабный всплеск насилия и жестокости в XX в. выявил ограниченность социально классовой трактовки насилия и необходимость анализа более глубинных его причин, *связан-*

ных с человеческой природой. В этом контексте, отталкиваясь от ранее возникших идей о насилии как присущей психологии человека особенности (например, в концепции Гоббса и др.), были раскрыты некоторые механизмы проявления присущих человеку форм насилия: защитная инстинктивная реакция организма на среду (Лоренц), проявление бессознательных устремлений человека (Ницше), наличие у него внутренней агрессивности (Фромм).

История показывает, что, хотя насилие в ряде случаев и оправдано (например, в случае сопротивления агрессору и т. д.), оно в конечном счете носит деструктивный характер, способствует деморализации общества, росту проявлений негативных сторон человеческой природы, отбрасыванию общества назад. Окончание любой формы насилия, в том числе и осуществляемое через военные действия, предворяет переговорный процесс. Широкие проявления насильственных действий особенно *опасны в современном мире*, когда человечество накопило огромный арсенал смертоносного оружия и технико-технологических систем, угрожающих в случае их насильственного использования жизни не только отдельных людей, но и всего человечества. В связи с этим закономерным результатом поиска иных, альтернативных насилию стратегий поведения являются компромисс, диалог, сотрудничество и ограничение деструктивных начал человека и общественных структур, где особую роль играют переговоры.

Важно иметь в виду, что запрет на насилие в социокультурной практике является своеобразным *водоразделом*, отделяющим моральные ценности от противоположных им явлений. «Ненасилие, – пишет А. А. Гусейнов, – есть та важнейшая (хотя, разумеется, и не единственная) содержательная определенность, предметность человеческой деятельности, через отношение к которой мораль становится зримой, материализуется в поступках, обнаруживая свою действенность»[20].

Участвуя в переговорах, следует исходить из того, что *концепции насилия* в современной культуре противостоит *концепция ненасилия* как его оппозиция в любых формах проявления, представляющая собой и *соответствующую идею*, и *образ жизни*, и *специфический тип умонастроения*. В основе концепции ненасилия – особое отношение к человеку как высшей ценности мира, а также такие *нравственные принципы*, как *милосердие, терпимость, взаимопонимание, сочувствие, соучастие*, в противоположность насилию, господству, подавлению, подчинению, деспотии. В той или иной степени идеи ненасилия предлагаются всеми религиями и культурами мира. Концепция ненасилия развивалась Л. Толстым в форме идеи непротивления злу насилием. Он отмечал, что тот, кто хоть раз испытывал радость отплатить добром за зло, никогда уже не пропустит случая получить эту радость. Для *М. К. Ганди* (1869–1948) идея ненасилия – это не только этическое учение, но и соответствующий ориентир общественно-политического движения. Основные методы воздействия для Ганди – убеждение, уступки, честность, сотрудничество, прощение вместо мести и кары. Этот путь – проявление величайшей мудрости и силы. Он связан с лишениями, страданиями и даже смертью во имя справедливости.

Мартин Лютер Кинг (1929–1968) разработал практическую сторону идеологии ненасилия и предложил шесть принципов ненасилия: 1) ненасилие – метод борьбы и требует мужества; 2) в борьбе нельзя унижать противника, ненасилием боремся со злом, а не с теми, кто его совершил; 3) вставший на путь ненасилия должен быть готовым принять страдание и не стремиться ответить ударом на удар; 4) духовное насилие так же недопустимо, как и физическое; 5) справедливость – одно из вселенских начал; 6) содействуя справедливости через любовь и ненасилие, мы вносим свой вклад в гармонию Вселенной.

Традиции ненасилия как оппозиция жесткой рациональности в западной философии представлены в «*диалогической философии*» (Бубер, Бахтин, Эбнер, Мейер), в *этике товарищества* по существованию (Гвардини) и *благоговения перед жизнью*

---

[20] *Гусейнов, А.А.* Мораль и насилие / А. А. Гусейнов // Этика. 2000. С. 396.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.